

ОБРЯД И ЖИЗНЬ

УДК 811-163

ББК 81

СЕРБСКО-МАКЕДОНСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ БАЛКАНОСЛАВЯНСКИХ ТРАДИЦИЙ (НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ОБРЯДНОСТЬ)¹

АННА АРКАДЬЕВНА ПЛОТНИКОВА

(Институт славяноведения РАН:

Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а)

***Аннотация.** Статья основана на полевых материалах автора 1998 г., которые до сих пор не были исследованы и опубликованы. Работа показывает, что традиция сербско-македонского пограничья может служить репрезентантом архаического балканославянского ареала в «этнографическом настоящем» (XIX–XXI вв.). Этнолингвистические сведения из села Ябланица в регионе Пчиня сопоставляются как со смежными северномакедонской и среднезападноболгарской традициями, так и с восточносербскими данными, почерпнутыми из опубликованных источников и косовского архива, а также с теми, которыми располагает автор, многократно бывавший в самых разных селах Восточной Сербии севернее рассматриваемого региона (в Лесковацком Поморавье, Пиротском крае и др.). В центре внимания исследователя — этнокультурные признаки сельской традиции преимущественно из области народного календаря и сельскохозяйственной обрядности. Рассматриваются рождественско-новогодний обрядовый комплекс, масленичные и предпасхальные обычаи, окказиональный обряд вызывания дождя, весенне-летние и другие ритуалы. В статье показано, что исследуемый материал характеризует своего рода перекресток юго-восточносербской, македонской и западноболгарской традиций, где наблюдаются компактные ареалы тех или иных явлений традиционной народной культуры. В результате сопоставительного анализа выявлен целый ряд признаков, по которым данный регион органично вписывается в значительный по охвату южносербско-македонский ареал, нередко называемый центральным балканославянским.*

***Ключевые слова:** балканские славяне, этнолингвистическая география, народный календарь.*

Традиция сербско-македонского пограничья представлена на основе полевых этнолингвистических материалов из села Ябланица в регионе Пчиня, названному по одноименной реке Пчиня, берущей

свои истоки на юге Сербии и впадающей в Вардар на территории Македонии. Ябланица вместе с хуторами («малами» или «махалами») расположена недалеко от известного монастыря Св. Прохор Пчинь-

¹ Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 17–18–01373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

ски, который находится у подножия Козьяка и со всех сторон окружен горами. Наибольшее число наших информантов проживало в расположенной на высокой горе махале Орляк².

Полевое исследование сербского села Ябланица как репрезентанта культурного диалекта региона Пчиня показало основные черты народной традиции сербско-македонского пограничья в области Трговишта, а также ее своеобразия на фоне других традиций Юго-Восточной Сербии, обследованных в том же 1998 г.³ Сегодня, двадцать лет спустя, имеется возможность более четкого определения места данной традиции на этнокультурной карте Южной Славии: к настоящему времени появился ряд этнолингвистических исследований балканославянского ареала с картами, показывающими распространение не только этнокультурной лексики, но и самих изучаемых реалий народной духовной культуры на территории Южной Славии (см., например: [Плотникова 2004; Седакова 2007; Узёнова 2010; Плотникова 2013, 9–142]), что позволяет проводить более точный и подробный анализ локальных традиций на общем ареальном фоне, показать многообразие вариантов соседних традиций на смежных сербских, македонских и болгарских территориях (ср. пробный опыт автора подобного определения места одной местной болгарской — родопской — традиции в работе: [Домосилецкая, Плотникова, Соболев 1998, 205–209]).

В центре внимания данного исследования — особенности народного календаря и связанной с ним сельскохозяйственной обрядности, а также ряд ключевых моментов в сфере народной мифологии, приуроченных в сознании носителей традиции к праздничным календарным дням (разгул нечисти на Святки — *некрстени данови*; символическое сжигание ведьмы на Масленицу, активизация вредоносных

действий ведьм в канун дня св. Юрия и др.). Особое внимание при этом уделяется выражению тех или иных обрядовых значений в языке: терминологической обрядовой лексике, устойчивым словесным выражениям и вербальным клише, проговариваемым в ходе тех или иных ритуалов. Опросник, по которому велось исследование в 1998 г. [Плотникова 2009]⁴, построен по принципу «от значения к слову» с подачей вариантов терминологической лексики из разных балканославянских регионов, например:

«31.8. **Костер (или обычай возжигания костра и ритуалы, с ним связанные) в последний день Масленицы:** ц.-серб. (Шумадия) *љарга*, в.-серб. *алалија, олалија, привег, привек, привеј, марга*, (Хомоле) *алалија, велика ватра, света ватра, освећена ватра, привег*, (Свилайнац) *љевка*, (Деспотовац) *првеци*, (Болевац) *рана*, болг. *купни, кладни*, ю.-серб., ю.-в.-серб. *каравештица, крлавештица, калавештица*, с.-в.-болг. *олелия*, в.-болг. *олелия, пълелия, ойдалелия, вълелига*, ю.-з.-болг. (Разлог) *гаро*, з.-родоп. *стрельница*, родоп. (Чепино) *гаганица*, (Радилово) *сирница*, (Гугутка) *папагашка*, (Царева Поляна) *лисница*, (Смолян) *орада, орадия*, (Пловдивско) *ульлия-бульлия, лисник, урбълка, голяма сирница*, рум. *alimori, privegiu, hadaiță, hodaize, oraiți*, греч.?» [Плотникова 2009, 28].

При составлении опросника примеры лексем были почерпнуты из существовавшей на тот момент этнографической и лексикографической научной литературы. И, как следует уже из примеров опросника по теме Масленицы, юго-восточно-сербский ареал выделяется по характерному термину *каравештица, крлавештица, калавештица* (масленичный костер) с внутренней формой 'черная ведьма' (*кара — вештица*). Зафиксированные в Юго-Восточной Сербии выкрики перепрыгивающих через костер взрослых

² Экспедиция 1998 г. проводилась совместно с коллегой из Сербской академии наук и искусств доктором наук Биляной Сикимич, которой автор выражает сердечную благодарность за активную помощь и поддержку.

³ Сначала совместные экспедиции 1998 г. проводились с доктором наук Биляной Сикимич (Власотинцы в Лесковацкой Мораве и Ябланица на Пчине), затем, летом того же года, автор продолжил исследования на самом востоке Сербии с Драголюбом Златковичем, сотрудником Музея Понишавья (регион Горни Висок).

⁴ Опросник создавался как часть общей программы обследования в рамках «Малого диалектологического атласа балканских языков» [Домосилецкая, Плотникова, Соболев 1998].

и детей «Кара, каравештица, ти си, бабо, вештица» (Кара, каравештица, ты, бабка, ведьма) характерны для ряда регионов ареала (см., например: [Vukanović 1986, 384]), где масленичный костер называется сходным образом, и это связано с ритуальным распознаванием местной ведьмы, изгнанием ее из села и защитой от вредоносных действий ведьм в течение следующего года [Плотникова 2004, 116]. В селе Ябланица на сербско-болгарском пограничье зафиксированы все три обозначенные выше названия ритуального костра в последний день Масленицы, а также и локальный вариант со стертой внутренней формой — *калавешница*. В этом же селе принято, перепрыгивая через масленичный костер⁵, выкрикивать дразнилки, отпугивающие ведьму, например: «Калавештица! Стара баба — вештица, баба — вештица!» (Калавештица! Старая бабка — ведьма, старая бабка — ведьма!); «Калавеш, калавеш, прди, беж, бабо, прди, беж» (Калавеш, калавеш, п... беги, бабка, п..., беги) и под. [ЛА]. Символическое изгнание вредоносной ведьмы включало и стрельбу из ружей в то время, как жители села от мала до велика прыгали через костер и выкрикивали дразнилки⁶.

Исследуя обрядность и соответствующую лексику с. Ябланица, необходимо подчеркнуть явный изоморфизм соседствующих традиций в исследуемом ареале. Применение этнолингвистического вопросника при полевом сборе материала показало изофункциональность актуализации разных тематических частей программы, что отражает особенности локальных культурных традиций как замкнутых (и одновременно открытых для внешнего влияния) систем. Можно сказать, что имплицитно существующий набор ритуально-мифологических смыслов (символов) реализуется в разных формах и фрагментах народной культуры, как правило, имеющих отражение в языке. Так, уже при составлении этнолингвистического вопросника мы предполагали,

что ритуальный смысл изгнания нечистой силы и наделение семьи, села плодородием, изобилием, богатством в одних локальных традициях будет реализован через обрядовый комплекс ряжения и обрядовых обходов домов на Рождество, в других — в день св. Игната, в третьих — на Новый год, в четвертых — на Масленицу, в пятых — этот смысл выражен через обходы одиночных посетителей (например, сербский обряд «полазник») и т.д. Поскольку в вопроснике этот комплекс разработан для каждого из указанных праздников (включая однотипную информацию об обрядовых лицах, обрядовых предметах и действиях), то при полевом сборе материала значимым и необходимым для презентации культурно-языковой картины локальной традиции оказывался тот или иной фрагмент программы, в то время как соотносимые с ним части программы оставались, естественно, «пустыми» (отрицательные ответы типа: «нет реалии, нет лексем»).

Неудивительно, что исследование по этнолингвистической программе трех локальных традиций Юго-Восточной Сербии (Горни Висок на востоке Сербии; Власотинцы на юго-востоке; Пчиня на самом юге ареала) показало взаимозаменяемость форм практически единого сакрального смысла. Выяснилось, что в традиции сел Горни Висок развит комплекс колядования и обряд «полазник» на Игнатов день и Сочельник, что отражают термины: *колéда* — обычай ритуальных обходов детей в день св. Игната и Сочельник, *колéцани* — дети — участники ритуальных обходов в день св. Игната и Сочельник, *колéцује* — действие колядования детьми в день св. Игната и Сочельник, *пепельáш*, *пепельашáр* — маленький хлебец в виде кренделя, который хозяйка дает колядующим детям, главным образом в день св. Игната, *чеñи́ч* — прут лещины в виде шпаги, который носят колядующие дети для сбора хлебных изделий, *пóдлаза* — ритуал первого посещения

⁵ Поддерживалась на момент записи обряда и традиция устройства определенного числа костров — нечетного: одного, трех, пяти и т.д.

⁶ На момент записи рассказов в 1998 г. все действие имело в большей степени увеселительный характер праздника конца Масленицы: через костер под пальбу ружей прыгали только дети, которых старшие обучали необходимым выкрикам («баба детей учила»). Иногда говорили, что обычай практически ушел в прошлое: если раньше разводили несколько костров, то сейчас только один.

чужим человеком дома в день св. Игната и Сочельник, *подлази* — ритуальное действие первого посещения чужим человеком дома в день св. Игната и Сочельник, *ниле, нилич* (букв. 'цыпленок') — веточка от растущего дерева, с помощью которой посетитель разгребает угли во время высказывания благопожеланий хозяевам и т.д., но отсутствует колядование (как и ряжение) на Новый год и Масленицу (зафиксированный на Новый год обход учеников с иконами и церковными песнями *раждѣица* имеет церковный характер и не несет искомого архаического смысла). Как показывают этнокультурные контексты, в области Горни Висок колядуют нарядно одетые дети: они высказывают благопожелания и собирают подарки — крендельки, которые насаживают на прутья лещины. В традиции с. Равна Гора (Власотинцы), напротив, сохранился архаический комплекс ряжения взрослых мужчин в так называемых «страшных» колядующих (*колећани*) в масках из свиной кожи так, что их невозможно узнать, в лохмотьях вместо одежды; они совершают обходы домов от дня св. Игната до Рождества, издавая пугающие, невразумительные звуки и тем самым изгоняя нечистую силу из домов; фиксируется и предусмотренная этнолингвистической программой четкая дифференциация ролей внутри группы (*вођа* — предводитель ряженных, *алосници* — двое наиболее страшных ряженных, *невѣч* — ряженный, который произносит благопожелания, *млада-невеста* или *млатка* — ряженный в невесту, *младожѣња* — ряженный в жениха), при этом разыгрываются традиционные для ряда балканославянских регионов (на Рождество, Новый год или Масленицу) сценки, пародирующие свадьбу. Во Власотинцах известен и совершаемый в это время обряд «полазник», к которому относятся термины: *подлажња* — человек, первым посещающий дом с пожеланиями счастья в день св. Игната и Сочельник; ритуал посещения дома чужим человеком с пожеланиями счастья в день св. Игната и Сочельник, *подлазија* (3-е л., sg, praes.) — ритуальные действия, испол-

няемые первым посетителем дома в день св. Игната и Сочельник. Соответственно части опросника с аналогичными вопросами, относящимися к подтеме «Новый год» и «Масленица», в селе Равна Гора остаются с отрицательными ответами. В описываемой в статье традиции с. Ябланица (Пчиня) обнаруживается несколько иная картина: развитым оказывается новогодний комплекс ритуалов, получающий отражение в языке, включая не только специфическое новогоднее колядование взрослых мужчин (*сировари* — ряженные мужчины и парни, совершающие обход домов в ночь под Новый год, *сироварштина* — обычай колядования ряженными мужчинами в ночь под Новый год), но и другие новогодние ритуалы: *попарѣница* — приготовляемый особым образом большой новогодний каравай из кукурузной муки с запеченной внутрь монетой, его называют также и *мѣчкин ручак* (букв. 'обед медведю') — символический дар, угощение в виде новогоднего каравая для медведя утром на Новый год. В новогоднем комплексе ритуалов находим сценарий пародийной свадьбы, который разыгрывают участники процессии *сировари*⁷: *дѣда* — предводитель ряженных, *свѣкар* — свекор, *младбжења* — жених, *снашка* — невеста, *поп* — священник, *трапоталиња* — музыкант. Примечательно указание этнографов, изучавших Пчиню в прошлом веке: «Как только проходят "сировари", нет больше "караконджулов" (т.е. нечистой силы, бесчинствующей на Святки)» [Филиповић, Томић 1955, 93]. Помимо традиционных благопожеланий богатства и здоровья домоладцам (ритуальные выкрики: «Сирово-о-о! Борово-о-о!»; «Ми идемо, сирова-ари, молимо Бога да су живи и здра-а-ави, домаћи-ини...») — Мы идем, сировари, просим Бога, чтобы вы были живы и здоровы, хозяева... [ЛА]), за что ряженные получали съестное (мясо, муку, водку, сахар), отмечены и ритуальные эротические игры «сироваров»: хозяин дома стремился «пощипать» «невесту»⁸, после чего ее обильно одаривал (ср. эротические игры «сироваров», вплоть до имитации

⁷ Семантика наименования связана с ю.-слав. +сиров-(суров-) 'свежий, здоровый'.

⁸ По словам разных собеседников, «невесту» старались ущипнуть и все мужчины — жители села, тогда как участники процессии оберегали *снашку*, грозно размахивая посохами со словами: «Почему ее трогаешь? Что такое?», превращая все действие в веселое представление [ЛА].

полового акта, в смежных балканославянских регионах, Северной Македонии и Западной Болгарии, с четко выраженной направленностью способствовать урожаю и плодovitости). Этот ареал разновидности обряда «сировари» — пародийная свадьба с элементами эротики — имеет компактное расположение в южной части сербско-болгарского пограничья на пересечении границ Сербии, Болгарии, Македонии [Плотникова 2004, 423, 715]⁹.

Отмеченный в новогоднем обрядовом комплексе ритуал с кукурузным пирогом, называемым *мечкин ручак* ‘обед медведя’, включающий обязательное дутье детей на угощение, символически вызывающее ветер летом, когда он необходим при молотье, органично включает рассматриваемую зону сербско-македонского пограничья в широкий македонско-южносербский ареал, где фиксируется большое разнообразие обрядов, связанных с пирогом или хлебом — подарком и «новорожденному медведю» (чтобы обезопасить жилище от опасного зверя), и ветру (чтобы магически привлечь его во время молотьи) (ср.: [Плотникова 2013, 22–23]). По словам всех собеседников из Ябланицы, *попареницу* (кукурузный пирог) куда-то выносили (якобы медведю), прежде чем дать детям¹⁰. Если реконструировать данный обычай, то, возможно, ранее пирог или хлеб выносили именно на «стожер» — столб посреди гумна, где веяли хлеб летом, как это происходило, например, на Косовом Поле в окрестностях Вучитрна (ср.: [Vuković 1986, 373–374]) или в соседней Скопской Котлине на территории Македонии, где хлеб на «стожере» крошили, задабривая и приглашая ветер дуть летом во время молотьи [Кличкова 1960, 222]. В Ябланице наблюдалась более стертая картина обычая, но при этом фиксировалось, что «наша старая бабушка заставляла нас, детей, дуть: “Дуйте, дети!” И мы дуем, дуем. После уже нам даст, чтобы мы съели, ...

чтобы летом ветер дул, чтобы жито веяли» [ЛА].

Как и в других обследованных по программе традициях Юго-Восточной Сербии, в с. Ябланица на сербско-македонском пограничье отмечен комплекс первого посещения в день св. Игната и в Сочельник, однако закономерно отсутствует колядование перед Рождеством и на Рождество, а также и на Масленицу, что отражает различия и сходства трех культурно-языковых традиций Юго-Восточной Сербии, показывая комплементарность и взаимозаменяемость тех или иных ритуальных значений, распределяемых по тем или иным сезонным датам календаря. Такое же на первый взгляд неравномерное (но по сути глубоко мотивированное разными формами выражения одного и того же смысла) заполнение программы характеризует и другие обследовавшиеся по вопроснику балканославянские и балканские традиции¹¹.

В рамках святочно-новогоднего цикла обрядности с. Ябланицы в области Пчини особо следует отметить те черты традиции, которые до того момента не встречались автору ни в известной научной литературе, ни в полевых условиях. Это касается, прежде всего, ритуальных действий с известным всем южным славянам «бадняком» (сжигаемым под Рождество поленом). В разных южнославянских регионах распространены варианты отношения к «бадняку» как к живому существу: кормление (Истрия в Хорватии, Адриатическое побережье, архаические зоны Черногории, разные области Сербии и др.), пеленание в рубашку или плотно, что образует строго ограниченный ареал на севере сербско-болгарского пограничья (см.: [Плотникова 2004, 101–102, 398–409]). Антропоморфизация сказывается и в назывании отдельных частей сжигаемого полена аналогично обозначениям частей тела человека («рот», «лицо», «голова», «борода» и т.д. [Плотникова 2004,

⁹ По полевым данным XXI в. из Косова сходный тип обряда *сировари* с имитацией свадьбы зафиксирован в южных частях Косова, например, в сербском селе Витина [DABI, 102-R-Vitina-1-MI], что несколько расширяет данный ареал на запад Южной Сербии, захватывая восточную часть косовского Поморавья на границе с Македонией.

¹⁰ Когда дети съедали ритуальное блюдо, им шутя говорили, что его съел медведь [ЛА].

¹¹ Большое число заполненных по этнолингвистическому вопроснику ответов опубликовано в серии «Исследования по славянской диалектологии» (выпуски 7, 10, 12) и в серии «Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура» (выпуски 1–3).

101]). Вместе с тем только в с. Ябланица на Пчине был зафиксирован обычай отношения к «бадняку» как к домашнему животному — коню. Хозяин его «седлал», а затем «объезжал» на нем три раза вокруг стола в доме, обсевая зерном все вокруг и высказывая благопожелания своему дому, называя ветку-коня ласковыми именами «Дорча», «Драган» и поливая при этом вином и «бадняк», и обрядовую лепешку¹², с которой объезжал стол на «коне». Варианты рассказа объезда на «бадняке» стола в Сочельник (а затем и на Новый год) не являются единичными в этом селе. Например, по словам одного из собеседников, «...когда садимся за ужин в Сочельник, зажигаем свечу, берет [хозяин] этот бадняк, который мужчины срубили утром¹³, принесет и объезжает на нем вокруг стола. И несет вино в стакане, несет горсть зерна и рассыпает его на бадняк, три раза обходит и говорит, желает, чтобы жито уродилось, пшеница уродилась, чтобы мы были живы-здоровы, чтобы дождался следующего года, всё вот так. А мы не поднимаемся на ноги, из-за кур, когда они цыплят высиживают, знаешь. Да, чтобы куры лежали и не вставали, чтобы хорошие цыплята выводились» [ЛА]. Или: «Бадняк объезжают, как коня: хватает его [хозяин] левой рукой, нет, правой держит бадняк, а в левой держит лепешку, которую в Сочельник печем, и пшеницу, и вино, и три раза вот так [показывает] объезжает вокруг стола. И рассыпает зерно, знаешь, по всей комнате!» [ЛА]. Собеседники уточняли также, что, объезжая стол на ветке-коне, следовало подсказывать и подстегивать «коня», показывая, что он здоровый и резвый, тем самым магически способствуя здоровью лошадей в хозяйстве. В то же время достаточно традиционный для южных славян мотив рождения мужского или женского приплода в зависимости от того, кто первый — мужчина или женщина — увидит

перегоревший утром на Рождество «бадняк», в этом селе также последовательно фиксируется.

Особенности традиции с. Ябланица на Пчине могут проявляться как вариант типичного именно для балканских славян восточной части Южной Славии ритуально-обрядового действия. Так, для традиции всей Юго-Восточной Сербии (как и для Болгарии и Македонии) характерна ритуальная игра с подвешенным на нитке яйцом в последний день Масленицы. Вместе с тем в разных частях этого восточного ареала Южной Славии игра с подвешенным яйцом, представляющая собой ритуальное соревнование — кто первый ухватит зубами подвешенное и раскачивающееся яйцо,— имеет не только разные ономотопеические¹⁴ наименования (макед., болг., серб. *амкане; в.-серб. амканье, аьканье, аьһанье, з.-болг. анк'яне; макед., ю.-болг. ацкане и т.д., подробнее см.: [Плотникова 2004, 119–121, 460–466]), но и разное ритуально-магическое продолжение: например, нить, на которой висело яйцо, поджигают, «определяя» и «сжигая» местных ведьм, а также гадая по ее горению, сколько осталось жить старым людям в семье, и т.д. В с. Ябланица на сербско-македонском пограничье эта ритуальная игра-соствязание, как правило, называется *лајане јаје* (букв. «гавканье на яйцо»), диал. *лаје јаје* 'лают яйцо', после завершения соствязания оставляют и нить¹⁵, и желток яйца для лечения людей и домашних животных в течение года (нитью обвязывают заболевшего ягненка или поджигают ее и окуривают людей и скот при болезни; засушенный желток дают съесть людям, страдающим изжогой и отрыжкой): «Когда остаются <перед Великим постом> яйца, например, даже пятьдесят, ты должен их все сварить, ничего не оставляли: если останется, овцы станут бесплодными, поэтому не оставляли. И из этих яиц

¹² Зафиксирован и вариант обряда, когда бадняк после ритуала кладут на поленницу дров, где поят и кормят, оставляя рядом с веткой-конем воду и хлеб [ЛА].

¹³ В этом селе, выбирая «бадняк», старались рубить толстую прямую дубовую ветку с листьями («букетом») на конце.

¹⁴ Названия преимущественно образованы от звукоподражательных комплексов типа «ам-ам», «клоц-клоц», а также и от глаголов с семантикой «хватать» (например, з.-болг. *хапкане, лапане*).

¹⁵ Иногда нить все-таки сжигают, гадая по ней, сколько осталось жить старым людям, или полагая, что таким образом «сжигают караконджулов», т.е. действующую зимой нечистую силу [ЛА].

очистим одно и привязываем на нитке, на крепкой нитке, и раскачиваем туда-сюда — кто его ухватит зубами. Но мы, матери, старались, чтобы дети схватили» [ЛА]. Или: «Вот так это: собираются дети вечером и очищают яйцо, все яйца нужно сварить вечером в последний день Масленицы (*Прочке*), чтобы не оставались, если останется яйцо, то цыплята не будут выводиться. И поэтому все яйца съедают, если нельзя все сварить, много их, тогда выносят их во двор и оставляют на дереве где-нибудь или на крыше построек, чтобы в дом не тащили. А из этих, которые варишь, когда дети закончат “калавешницу”, берут одно яйцо, обычно баба какая-нибудь старая, она его привязывает на очажные цепи (которые ты у нас в доме видела (обращение ко мне. — А. П.), и привязывает одно за другим, чтобы дети “ав-ав-ав” на него, и когда останется последнее и его зубами схватят, она возьмет из него желток и оставляет как лекарство. Этот желток для детей, от всякой болезни берут немного этого желтка. Это называется “ляать (на) яйцо”» [ЛА].

Ярким обычаем, характеризующим особенности сербско-македонского пограничья, следует признать женский обход *лазарица* (проводящийся в Ябланице в пятницу накануне «Лазаревой», то есть Вербной, субботы и называемый здесь *Лазарачки петак*). Здесь, как и в других областях Южной Сербии и Северной Македонии, в состав группы входят также «мужские» персонажи — *Лазари* — одетые по-особенному девушки, причем роль мужского персонажа известна только в этом ареале Южной Славии (см. комментарии к карте «Весенне-летние девические обходы: варианты, названия» [Плотникова 2004, 496–508]). По словам собеседниц из Ябланицы, «...перед Пасхой мы идем в *лазарицу*: украсимся как два Лазаря, все нарядимся в полотенца, а две идут впереди, и мы называем их *преднице*, они впереди поют, а еще две идут сзади и поют, подходим к каждому дому и поем. Для дома поем, для женщин поем, для домашнего скота поем, для детей поем, и нам дают деньги, если нет денег — то яйца, а некоторые приглашают на завтрак или на обед, потом идем к другому дому» [ЛА]. Роль мужского персонажа в женской весенней процессии, имеющей характер инициации, — весьма архаический

реликт обходов этого типа (ср. македонский обряд *лазарки* в кумановских селах на смежной территории Македонии, где основная, самая красивая участница процессии Лазар одевалась в мужское платье и носила оружие [Младеновски 1973, 233]). В монографии М. Филиповича и П. Томич также неоднократно подчеркивается военизированная атрибутика в облачении мужского персонажа (сабли, револьверы и пр.), а в некоторых селах — и всех участниц, независимо от роли в обходе [Филиповић, Томић 1955, 95–97]. По воинствующему типу обхода с соответствующей атрибуцией «мужского» персонажа зона сербско-македонского пограничья обнаруживает параллели с другой архаической южнославянской зоной — северо-востоком Болгарии, где прослеживаются аналогичные мотивы в том же обряде, называемом иначе — «буянец / боянец» (с выраженной семантикой роста: от ‘буйный’) — и, возможно, являвшемся названием данного девического обхода до христианизации наименования (ср. также *краљице* в других частях Сербии; подробнее см.: [Плотникова 2004, 137–141]).

В других частях сербско-македонско-болгарского пограничья обнаруживаются некоторые коррелирующие подробности обряда: как и в с. Ябланица, в селах окрестностей Крива Паланка в Македонии в процессию включались участницы, которые назывались *предњица* (опытная девушка, хорошо знающая песни и идущая впереди), затем *средњица*, *досредњица* [Петреска 1998, 58]; в западноболгарской Каменице фиксировалось распределение на поющих (*поялици* — две группы по три девушки) и двух танцующих, которые в середине процессии танцевали друг против друга (*шеталици*, ср. *шетат* ‘ходить’) [Захариев 1935, 200]. Отметим, что наиболее близкий тип обряда фиксируется в Моштанице около Враня в Южной Сербии: «В лазарицах участвовало шесть девушек: две *предњице*, две *задњице*, *лазаричка* и *лазар*» [Златановић 2014, 334]. В обширной этнографической монографии М. Филиповича и П. Томич указываются и такие архаические подробности обхода, как обязательность участия девушки-подростка в обряде не менее трех раз (если она уже хоть один раз участвовала в обходе), иначе бы с ней произошло несчастье [Филиповић, Томић 1955, 96].

В Ябланице нами были записаны и обычаи при встрече двух разных групп девушек, идущих «в лазарицу». У славян на Балканах любые встречи двух обрядовых групп считались опасными и влекущими за собой битву (откуда, например, многочисленные сербские топонимы *коледарско гробље* ‘кладбище колядующих’, *чаројчарско гробље* ‘кладбище чароичаров’ и т.д.)¹⁶, ср. также сведения из той же Ябланицы: «В том месте, где случайно встретятся “сировари”, выпадет град; не годится, если встретятся» [ЛА]. Что касается лазарских обходов, то в Ябланице бабушки учили своих внуков, что при встрече с другими «лазарицами» следовало посмотреть на чужого «Лазаря» через сукно, тряпку (видимо создавая таким образом символическую преграду), молчать и проходить дальше; в случае же неизбежной встречи участники процессий обязательно обменивались яйцами, которые несли в корзинках: «Если мы их встретим, то обменяемся яйцами: они нам дадут одно яйцо, а мы — им, и поздороваемся, и ничего не происходит» [ЛА]. Примечательно также и то, что в случае недружелюбного поведения встреченной группы («когда они нас избегают»), следовало также выкрикивать насмешливые, угрожающие дразнилки по поводу собранных в корзинках яиц, например: «Яйцами меняемся. Если они нас избегают, мы поем: “Ваши яйца, как г..., наши яйца, как сталь, убегайте, убегайте...”» [ЛА].

Сходными по структуре следует признать процессии *додола*, или *додолица*¹⁷, которые проводятся в селе в случае длительной засухи. В ритуале участвуют только девочки, которые вместо того, чтобы надеть одежду (совсем маленьких ведут голыми, девочки постарше носят полотняную рубаху на голое тело), обвиваются и опоясываются вербовыми ветками, делают венки на голову из вербы и цветов,

чтобы накрыться с головой под такой «зеленой шапкой». Они носят с собой ведро с водой, непрерывно обливаются, а подходя к каждому дому, ожидают, чтобы их облили и хозяева, и выкрикивают нараспев: «Ој, ој, додоле, дај ми, Боже, ситну росу, да зароси ситна роса! Да расне жито, да пасе стока, вода да има» (Ой, ой, додола, дай мне, Боже, мелкий дождик, чтобы пошел мелкий дождь! Чтобы росло жито, чтобы пасся скот, чтобы вода была) [ЛА]. Отметим, что в с. Ябланица зафиксирован и архаический мотив наступления засухи в связи с неправильными действиями матери, закопавшей в землю нежеланного новорожденного ребенка: если в селе случается такое, то совершают обряд вызывания дождя — «идут в додолицу», причем участницы обливаются водой на том месте, где, как полагают, закопан *копильák* (‘внебрачный ребенок’), там же молятся Богу и высказывают пожелания о дожде [ЛА]. Как правило, обрядовое действие заканчивается у воды (у реки, ручья), куда участницы сбрасывают с себя всю зелень (проговаривая слова магического заклинания): «В реку сбросим то, что у нас на головах, в волосах, как венки такие, все из цветов, да и вербой обвяжемся, так вот, после, когда закончим обход, идем к проточной воде и всё это снимем и бросим туда со словами: “Дай, Боже, так, как мы делали, так пусть вода придет сильнее, чтобы дождь пошел, чтобы трава росла, чтобы домашние животные паслись, жито уродилось и скот плодился”. Всякое говорим, дети же! Но нас учат старшие: бабушки, дедушки, все они, вот так» [ЛА]. За свои ритуальные действия по вызыванию дождя участницы обхода также получают угощение. Подобные обходы известны в самых разных балканских и балканославянских ареалах (см.: [Плотникова 2004, 141–145, 510–523]), вместе с тем наименования типа ⁺*додола*, характерные для

¹⁶ Гипотезы разных авторов о причинах подобного ритуального поведения обрядовых процессий при встрече с их последующим захоронением на месте битвы подробно представлены в недавней работе К. Митич [Митић 2016, 83–90]; среди них особо следует выделить борьбу за урожай и плодovitость, которыми наделяют хозяев при обходе домов те или иные группы, а также невозможность свернуть с намеченного пути, чтобы не потерять магическую силу; отмечена и необходимость захоронения персонажей потустороннего мира (чертами которых наделяются обрядовые группы) вне границ традиционного кладбища, наряду с «заложными покойниками» [Там же].

¹⁷ Нередко собеседницы, повествуя о «додолицах», плавно переходили к рассказу об обходе «лазарице», и наоборот.

сербско-македонского пограничья, далее на востоке, на территории Средней Западной Болгарии уже перемежаются с наименованиями *неперуда и под.: в этом отношении сербско-македонское пограничье (и далее — Пиринский край в Болгарии) представляет собой восточную границу сплошного ареала наименования типа *додола (ср. также выводы о переходной зоне на смежной болгарской территории по данному признаку: в с. Кралев-Дол фиксируются «лексемы *неперуга* и (*ситна*) *роса* в песне, исполняемой *вайдудулками*» [Трефилова 2006, 234]).

Среди ритуалов в весенние праздники выделяются многочисленные гадания, магические предписания и запреты, связанные с погодой, появлением первых птиц, змей и т.п. В этой сфере народных представлений и ритуально-магических действий репрезентант сербско-болгарского пограничья с. Ябланица также имеет свою специфику. Так, начиная от Благовещения взрослые говорили детям, чтобы они не гуляли голодными: в этом случае первая встреченная ими птица (кукушка, горлица, удог) «отравит» их (или «их душу»), плохо повлияет на память. Например: «Возьми, съешь кусок хлеба, чтобы тебя не отравила кукушка, чтобы тебя не отравил удог, а то душа будет плохо пахнуть»; «Возьми хлеба, нельзя голодным встрегить горлицу, а то потеряешь пальто, потеряешь кофту, дурачок!» [ЛА]. На Юрьев день здесь традиционно запекали жертвенное животное (ягненка), а оставшиеся кости выкидывали на муравейник: «Как только потеплеет на улице, муравейник весь в работе, в движении... кости в муравейник выбрасываем, потому что он больше всех работает, чтобы и скот благоденствовал, и у людей успех развивался» [ЛА].

В ритуально-магической практике в день св. Иеремии обнаруживается нередкая здесь параллель с традицией сербских сел Косова: ребенку завязывают глаза и водят три раза вокруг дома, чтобы он стучал по лопате, проговаривая отгонное заклинание: «Јеремија у поље, змија у море, Еремија у поље, змија у море» (Иеремие — в поле, змея — в море, Иеремия — в поле, мы — в море) [ЛА] (ср. то же в с. Вочняк, область Србицы, где водили вокруг дома девочку с завязанными глазами, которая стучала железными

предметами с теми же словами заклипания [Vukanović 1986, 405]). Архаическая деталь — вождение «слепого» персонажа, уподобляемого слепой змее (чтобы змеи летом не видели и не кусали человека) в ритуале на св. Иеремию, характерном в этот день для «балканского центра» (Центральная Сербия, Македония, Западная Болгария, Черногория, Восточная Герцеговина [Плотникова 2004, 295; Плотникова 2013, 92–95]), — свидетельствует как о глубокой древности обрядов и обычаев, сохранившихся в памяти собеседников, так и о непосредственной близости (и даже совпадении) с сербской традицией разных частей Косова. При этом нежелательное для ведомого ребенка место окончания пчиньского ритуального обхода (крапива) имеет не только игровой смысл, увеселяющий участников, но также символизирует и «плохие», «неправильные» места, куда в заговоре отсылают змею.

С точки зрения народной метеорологии особого внимания заслуживают первые дни марта, называемые «бабы», что связывает название с известной на Балканах легендой о баба Марте, выгнавшей преждевременно овец в горы и дразнившей прошедший февраль (подобные дразнилки отмечены и в с. Ябланица: «Давай, ягненок, на горку, с... я февралю на бородку» [ЛА]), после чего разгневанный месяц заморозил бабу и ее стадо в горах. Данная легенда известна в исследуемом селе, а «бабьими днями» могут считать три или девять первых дней марта, по которым гадают о погоде: «...значит, 14 марта (по ст. ст. — начало марта. — А.П.) — “первая баба”, а их бывает: три сербские, три турецкие, три цыганские “бабы”. Девять. И мы в эти дни не работаем от змей <...>. Это “бабы”. Если в такой день хлынет дождь, пойдет снег, такое бывает в марте, мы загадываем: если на “первую бабу” случится, ожидаем большой урожай в поле, на вторую — будет меньше, на третью — совсем мало. <...> лучше, когда случится на все “бабы”, тогда урожай будет хороший. Если не повалит на все или же только на турецкую или на эти последние, никакого урожая не будет» [ЛА]. Помимо специфики «свой — чужой», которая актуализируется в этих поверьях как оппозиция «урожай — неурожай», «добро — зло», важно отметить характерный

для данного ареала хрононим *бабе* ‘бабьи дни’, закономерно вписывающий сербско-македонское пограничье в широкий клин македонско-южносербской этнокультурной территории (ср.: [Плотникова 2004, 125–128, 291, 716]).

Праздники конца лета связаны прежде всего с окончанием жатвы, когда в этом регионе оставляют в поле последний сноп несжатого хлеба, называя его *брада* — ‘борода’¹⁸ и *крчма* (‘корчма’). Ритуал имеет ярко выраженную продуцирующую функцию, сохраняя архаические мотивы, связанные с белым цветом и символизирующие богатство урожая: «...бороду [пучок несжатых колосьев. — А. П.] оставляем и обвязываем красной ниткой, и собираем разные цветы, и украшаем “бороду”. И белым платком сверху накроем, и вот он — “белый урожай” [серб. *бел берићет*]. Так делали в прежние годы» [ЛА]. По словам некоторых собеседников, «бороду» (или ее часть) относили в амбар, чтобы хранился «белый урожай» в течение года в доме; нередко говорили, что с поля забирали только серпы, которыми жали и затем окружали «бороду». Серпы приносили домой молча (ср. то же в: [Филиповић, Томић 1955, 100]).

Среди осенних праздников особо следует выделить дни, посвященные оберегам от опасных зверей (здесь — волков), а также защите дома и хозяйства от грызунов, мышей в день св. Димитрия *Мистровдан* или следующий за ним, 9 ноября (здесь отмечен и известный в южной части сербско-болгарского пограничья вариант, связанный с лексемой *миш* ‘мышь’: *Мистровдан*, когда опасным считалось рыться в сундуках с вещами, мести пол и т.п., чтобы мыши «не уничтожили одежду» [ЛА]). Как и во всех регионах Южного Поморавья в Сербии, «волчьими» считаются дни в течение целой недели после св. Мраты (24 ноября) — *мратиньци*, когда соблюдается ряд запретов, связанных со скотом в хозяйстве: не трогают домашних животных, не укрепляют хлев и загоны, не притрагиваются к запасам мяса и т.п. Известны здесь и следы ритуала с жертвенным петухом *мратиньяк*, распространенного преимущественно на

севере сербско-болгарского пограничья и лишь частично — в Южном Поморавье (см.: [Плотникова 2004, 348–358]). В плане редукции ритуала примечательно, что в с. Ябланица важно было только обозначить факт принесения жертвы: «...только кровь пустишь, не нужно его резать, только чтобы кровь немного пошла и говорят: “Сегодня Мрата, значит, это Мрата, *мратиньяк*”» [ЛА].

Собранный материал, представляющий собой хорошо сохранившийся архаический пласт традиционной народной культуры, позволяет проследить, как вписывается традиция календарной обрядности с. Ябланица в этнокультурную карту Южной Славии. Распределение образов и сюжетов из народной мифологии также соответствует этой общей картине, составленной на основе значимых фрагментов народного календаря. Например, для Ябланицы характерно наименование *самовила* для персонажей типа серб. *вила*, аналогично македонским и западноболгарским. Как и в южноморавских селах Лесковацкого края Сербии (Власотинцы), в Ябланице фиксируются наименования этих персонажей *самовилске виле*, *самовилске сестре*, причиняющих людям вред в облике вихря, сильного ветра; известны запреты лежать под любимым деревом демонических существ (называемым, как и в южноморавских селах, *самовилско дрво*), чтобы избежать болезни, и т.д.

Исследуемая традиция характеризует своего рода перекресток юго-восточно-сербской, македонской и западноболгарской традиций, где наблюдаются компактные ареалы пародийной свадьбы «сироваров» (захватывающей смежные македонские и болгарские регионы), воинствующего типа обхода «лазарице» (общего для сербско-македонского пограничья), жертвенного петуха «мратиньяк» (простирающегося далеко на север сербско-болгарского пограничья). Вместе с тем совершенно очевиден целый ряд признаков, по которым данный регион органично вписывается в значительный по охвату южносербско-македонский ареал: обрядовые масленичные костры с «говорящим» названием

¹⁸ В монографии Филипович и Томич указывается также и термин *на Бога брада* [Филиповић, Томић 1955, 100]. Архаический обычай оставлять пучок несжатых колосьев в поле известен восточным и южным славянам, подробнее см.: [Терновская 1995].

каравештица (калавешница); «кормление» медведя и имитация молотьбы на Новый год; хрононим *бабе* «бабьи дни» в начале марта и пр. Изолексы и изодоксы «восток / запад» по-разному проходят на территории Поморавья в Сербии, включая рассматриваемую традицию Ябланицы (и шире — Пчини) в «западную» или «восточную» зоны, в зависимости от того или иного рассматриваемого

культурного явления и его обозначения в языке: например, тип наименований *додолице* ориентирует нас на западную часть Южной Славии, тогда как распространение масленичной игры-соревнования с яйцом указывает на принадлежность традиции Пчини, наряду со всеми другими регионами Южного Поморавья, к восточной (балканославянской) части Южной Славии.

Источники и материалы

Захариев 1935 — *Захариев Й.* Каменица // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 40. София, 1935.

Златановић 2014 — *Златановић М.* Речник говора југа Србије. Врање, 2014.

Кличкова 1960 — *Кличкова В.* Божикни обичаи во Скопска Котлина // Гласник на Етнолошкиот музеј. 1. Скопје, 1960.

ЛА — личный архив (полевые материалы автора из с. Ябланица с окрестными хуторами).

Младеновски 1973 — *Младеновски С.* Лазарици во Козјачијата (Кумановско) // Македонски фолклор. Скопје, 1973. Год. VIII. № 15–16. С. 233–236.

Петреска 1998 — *Петреска В.* Пролетните обичаи, обреди и верувања кај Мијаците. Скопје, 1998.

Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. Переизд.: М., 2009.

Трефилова 2006 — *Трефилова О. В.* Этнолингвистические материалы из с. Кралев-Дол, Перничская область, община Перник, Средняя Западная Болгария // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12. М., 2006. С. 228–276.

Филиповић, Томић 1955 — *Филиповић М., Томић П.* Горња Пчиња // Српски етнографски зборник. Књ. 68. Београд, 1955.

DABI — электронный архив Института балканистики Сербской академии наук и искусств (Digitalni arhiv Balkanološkog Instituta SANU).

Vukanović 1986 — *Vukanović T.* Srbi na Kosovu. Т. 2. Vranje, 1986.

Исследования

Домосилецкая, Плотникова, Соболев 1998 — *Домосилецкая М. В., Плотникова А. А., Соболев А. Н.* Малый диалектологический атлас балканских языков // Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации / Отв. ред. О. Н. Трубочев. М., 1998. С. 196–211.

Митић 2016 — *Митић К.* С оног на они свијет: стара гробља и обредни опходи // Фолклористика. Часопис Удружења фолклориста Србије. Год. I. Св. 2. 2016.

Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М., 2013.

Седакова 2007 — *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007.

Терновская 1995 — *Терновская О. А.* «Борода» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1: А (Август) — Г (Гусь) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995. С. 231–234.

Узенёва 2010 — *Узенёва Е. С.* Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Плотникова А. А. <https://orcid.org/0000-0001-9154-5046>

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН; Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; тел.: +7 (495) 938-17-80; e-mail: annaplotn@mail.ru

SERBIAN-MACEDONIAN BORDER: FEATURES OF THE REGION IN THE CONTEXT OF BALKAN SLAVIC TRADITIONS (FOLK CALENDAR AND AGRICULTURAL RITUALS)

ANNA A. PLOTNIKOVA

(Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences:
32a, Leninskiy av., Moscow, 119334, Russian Federation)

Summary. *The article is based on the author's field materials of 1998, which have not yet been studied and published. The work shows that the tradition of the Serbian-Macedonian borderland can serve as a representative of the archaic Balkan Slavic area in the «ethnographic present» (XIX — XXI centuries). Ethnolinguistic information from the village of Yablanica in the region of Pčinja are compared with neighboring Northern-Macedonian and Central-Western -Bulgarian traditions as far as with Eastern-Serbian data obtained from published sources and the Kosovo archive, and those available to the author, who had repeatedly visited different villages in the northern part of Eastern Serbia (in Leskovac, Moravica, Pirot districts). The researcher focuses on the ethno-cultural features of the rural tradition, mainly that of folk calendar and agricultural rituals. Christmas and new year ritual complex, Shrovetide and pre-Easter customs, occasional rite of rain summoning, spring-summer and other rituals are considered. The article shows that the material under consideration characterizes a kind of intersection of the South-East Serbian, Macedonian and West Bulgarian traditions, where compact areas of phenomena of traditional folk culture are observed. As a result of the comparative analysis, a number of features have been revealed, according to which the region fits into a larger Southern Serbian-Macedonian area, often called the Central Balkan Slavic.*

Key words: *the Balkan Slavs, ethnolinguistic geography, folk calendar.*

Acknowledgements. *This study is financially supported by the grant of the Russian Science Foundation, project No. 17-18-01373 "Slavic archaic zones in the space of Europe: ethnolinguistic studies".*

References

- Domosiletskaya M. V., Plotnikova A. A., Sobolev A. N.** (1998) *Malyy dialektologicheskiy atlas balkanskikh yazykov* [Small dialectological Atlas of Balkan languages]. In: *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic linguistics]. The XII International Congress of Slavists. Krakow, 1998. Reports of the Russian delegation. Ed. by O. N. Trubachev. Pp. 196–211. Moscow. In Russian.
- Mitich K.** (2016) *S onog na oni svijet: stara groblja i obredni ophodi* [With this on the light: old cemeteries and ritual processions]. *Folkloristica. Chasopis Udruzeniya folklorist Srbiye* [Study of folklore. Journal of the community of folklorists of Serbia]. 2016. Year I. Issue 2. In Serbian.
- Plotnikova A. A.** (2004) *Etnolingvističeskaya geografija Juzhnoy Slavii* [Ethnolinguistic geography of South Slavia]. Moscow. In Russian.
- Plotnikova A. A.** (2013) *Juzhnye slavyane v balkanskom i obshchoslavyanskom kontekste: etnolingvističeskie očerki* [Southern Slavs in the Balkan and Slavic context: Ethnolinguistic essays]. Moscow. In Russian.
- Sedakova I. A.** (2007) *Balkanskiye motivy v yazyke i kul'ture bolgar. Rodinnyy tekst* [Balkan motifs in the language and culture of the Bulgarians. Birthgiving text]. Moscow. In Russian.
- Ternovskaya O. A.** (1995) "Boroda" ["Beard"] — The last bunch of ears in the field]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskiy slovar'* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary]. In 5 vol. Vol. 1. Moscow. Pp. 231–234. In Russian.
- Uzenyova E. S.** (2010) *Bolgarskaya svad'ba: etnolingvističeskoe issledovanie* [Bulgarian wedding: an ethnolinguistic study]. Moscow. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Plotnikova A. A. <https://orcid.org/0000-0001-9154-5046>

E-mail: annaplotn@mail.ru

Tel.: +7 (495) 938-17-80

32a, Leninskiy av., Moscow, 119334, Russian Federation

Grand PhD (Philology), chief researcher, Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences